

Каптерев Н.Ф., 1909 г.

Введение

Изучением времени патриарха Никона я занимался ещё в восьмидесятых годах прошлого столетия. В журнале *Православное Обозрение* 1887 года мною начаты были печатанием статьи под общим заглавием: *Патриарх Никон как церковный реформатор*. Но эти статьи, при самом своём появлении, в некоторых кругах, вызвали против меня целую бурю негодования и обвинения чуть не в еретичестве.

До тех пор история возникновения у нас старообрядства изучалась и писалась по преимуществу полемистами с расколом, которые, в большинстве случаев, изучали события с тенденциозно-полемической точки зрения, старались видеть и находить в них только то, что содействовало и помогало их полемике с старообрядцами, поставленной ими очень своеобразно. Тогдашние полемисты с расколом на вопросы откуда и как произошли у нас искажения древних православных чинов и обрядов, и каким образом эти искажённые чины и обряды попали в наши церковно-богослужебные книги, обыкновенно отвечали: древние православные обряды и чины искажило вековое русское невежество, а в наши печатные церковные книги они внесены были при патриархе Иосифе невежественными книжными справщиками: Аввакумом, Нероновым, Лазарем и другими, которые, восставая потом против реформы Никона, в существе дела отстаивали только творение своих собственных невежественных рук. Так смотрели тогда на дело все полемисты с расколом и во главе их профессор нашей академии Н. И. Субботин, редактор и издатель полемического противообрядческого журнала *Братское Слово*.

Между тем в своем исследовании, опиравшемся главным образом на *Материалы для истории раскола*, изданные тем же самым профессором Субботиным, мною ясно было показано, что Аввакум, Неронов, Лазарь и др. никогда не были книжными справщиками и вообще никогда к книжной справе никакого отношения не имели, что они ранее совсем не жили в Москве, а только некоторые из них появились в ней не задолго до смерти патриарха Иосифа и потому никак не могли иметь при нем влияния на книжную справу. На вопрос необходимо отсюда возникший: кто же, в таком случае, и когда испортил наши древние православные церковные чины и обряды, которые потом Никону пришлось исправлять, мною был дан такой ответ: древние наши церковные чины и обряды никогда ни кем у нас не искажались и не портились, а существовали в том самом виде, как мы, вместе с христианством, приняли их от греков, только у греков некоторые из них позднее изменились, а мы остались при старых, неизменных, почему впоследствии и явилась рознь между московскими церковными чинами и обрядами и позднейшими греческими. Это свое общее положение я иллюстрировал на форме перстосложения для крестного

знамения, при чем выяснил, что в христианской церкви древнейшею формою перстосложения было единоперстие, а потом единоперстие у православных греков заменено было двоеперстием, которое мы от них и заимствовали при своем обращении в христианство. И в то время как греки не остановились и на двоеперстии, а позднее заменили его у себя троеперстием, русские остались при прежнем, воспринятом ими от греков, двоеперстии, которое и было у нас, до Никона, господствующим обычаем.

Указанный два наши положения: что Аввакум, Неронов, Лазарь и др. главнейшие противники церковной реформы Никона и основатели старообрядчества никогда не были книжными справщиками и никакого влияния на книжную справу при патриархе Иосифе не имели, что двоеперстие является не искажением и порчею древнего обряда русским невежеством, а есть настоящий древний православный обряд, к нам от православных греков, у которых он ранее употреблялся, произвело очень сильное впечатление на тогдашних наших полемистов с расколом. В том же 1887 году, когда мною начато было печатание своего исследования, проф. Н. И. Субботин, в издаваемом им журнале *Братское Слово*, выступил против меня с целым рядом статей, в которых особенно усиливался показать, что мой взгляд на перстосложение для крестного знамения неправилен, так как совпадает со взглядами старообрядцев, и по самому существу не есть взгляд православный, а старообрядческий, и что будто бы к защите собственно старообрядства направлено и все мое исследование. Мне пришлось отвечать на нападки г. Субботина (Прав. Обзор. за 1888 г.). Из моего ответа г. Субботин убедился, что научно-литературным путем подорвать правильность моих воззрений и доказать правоту свою — дело едва ли возможное. Тогда он прибегнул к другому способу, чтобы заставить меня замолчать окончательно. Человек, близко знакомый тогдашнему обер-прокурору Св. Синода и его помощнику, он представил им начавшееся печатанием мое исследование как очень вредное для православной церкви, а мою личность как неудобную для профессуры в духовной академии. Выгнать меня из академии ему однако не удалось, но цензор журнала *Православное Обозрение*, свящ. Ив. Дм. Петропавловский, получил приказание от К. П. Победоносцева не допускать к дальнейшему печатанию моего исследования о патриархе Никоне, почему оно и было прекращено печатанием, остановившись только на времени патриарха Иосифа.

Между тем мои взгляды на старый обряд в последующее время не только не были кем либо опровергнуты, но и получили полное подтверждение, как научно правильные. Известный историк русской церкви Е. Е. Голубинский в 1892 г. издал особое исследование под заглавием: *К нашей полемике с старообрядцами*, в котором новыми данными, относящимися к вопросу о перстосложении и другим спорным обрядовым вопросам, вполне подтвердил научную верность моих взглядов на старый обряд. Теперь они приняты всеми в науке и уже не возбуждают никаких споров среди самих полемистов с старообрядцами и никто в них ничего вредного для церкви не находит.

Так как прошло уже более двадцати лет, когда остановлено было печатание моего

исследования о патриархе Никоне, а в этот промежуток времени появились по данному вопросу и новые материалы, то естественно, что настоящее исследование представляет из себя не воспроизведение старого сочинения, а совершенно новую работу, написанную после повторного изучения всех относящихся к делу документов, причем некоторые факты и явления мною поняты и объяснены теперь значительно иначе, нежели как это было сделано ранее.

Задача настоящего исследования состоит в том, чтобы, с одной стороны, представить Никона как церковного реформатора, со всеми сопровождающими эту его деятельность обстоятельствами; с другой — показать те особые отношения Никона к светской государственной власти, в какие он, в своем лице, поставил патриаршую власть и какие потом он всячески старался обосновать и защитить, как законные, уже и после оставления им патриаршей кафедры. Решение первой задачи составляет содержание первого тома, решение второй задачи войдет в содержание второго тома.

Наши историки обыкновенно видят в Никоне единственного виновника произведенной при нем церковной реформы: он был ее инициатором, только ему она обязана своим проведением в жизнь, так что она — церковная реформа была исключительно делом одного Никона, она составляет главное дело его патриаршества, его главную заслугу пред церковью. Мною высказывается и выясняется на это дело совершенно другой взгляд, более согласный с исторической действительностью, именно: инициатива произвести церковную реформу, в смысле объединения наших церковных чинов, обрядов и богослужебных книг с тогдашними греческими, принадлежит не Никону, а царю Алексею Михайловичу и его духовнику — протопопу Стефану Вонифатьевичу. Они первые, еще до Никона, задумали произвести церковную реформу, ранее наметили ее общий характер и начали, до Никона, по-немногу приводить ее в исполнение; они еще до Никона вызвали в Москву из Киева знающих греческий язык книжных справщиков, с помощью которых еще до Никона уже начали исправлять наши книги с греческих и, что главное, они же создали и самого Никона, как реформатора-грекофила. Никон, сделавшись патриархом, только выполнял ту программу, какая ему дана была, конечно в самых общих чертах, царем и Стефаном Вонифатьевичем. Правда, что в самое выполнение программы царь активно не вмешивался, предоставив в этом деле Никону полную свободу, почему практическое проведение реформы в жизнь, в том или другом виде, зависело уже исключительно от Никона, от его личных взглядов, понимания дела, его характера и такта. Сам Никон никогда не считал себя инициатором в деле книжных исправлений и никогда не считал книжные исправления первою и главною задачею своего патриаршества. Оставив патриаршую кафедру, он совсем перестал интересоваться своей церковной реформой и, в конце, даже отнесся резко отрицательно как к тем самым грекам, по указаниям которых он производил свои церковные реформы, так и к самым печатным греческим книгам, на основе которых главным образом и велись все книжные исправления во время его патриаршества. Сам Никон главную задачу, смысл и, так сказать, душу своего патриаршества видел и поставлял вовсе не в книжных и обрядовых исправлениях, а в том,

чтобы освободить церковь, в лице патриарха, от подавляющей ее всецелой зависимости от государства, чтобы сделать патриарха, как духовного главу церкви, не только независимым от государя, но и поставить его рядом с царем, как другого великого государя, подчинить его контролю, как блюстителю и охранителю вечных незыблемых божественных законов, не только церковную, но и всю государственную и общественную жизнь, поскольку последние должны быть проявлением всегда и для всех обязательных божественных заповедей и законов. Никон верил и учил, что *священство выше царства*, и всячески старался осуществить эту идею во время своего патриаршества практически, а после оставления патриаршей кафедры, горячо и усиленно старался защитить ее теоретически. Об этом я подробно буду говорить во втором томе моего исследования, который подготавливается к печати.